

ском гербе. Рис – основная сельскохозяйственная, плантационная культура Юго-Восточной и Южной Азии, традиционно ассоциирующаяся с плодородием и изобилием.

«Свободный и независимый единый миролюбивый народ, имеющий превосходные морально-психологические качества, заслуживает жизни в изобилии, благополучии и процветании», – таково политическое послание властей народам Индии и Шри-Ланки, заключенное в главных государственных символах. Это послание говорит о должном и идеальном в социально-политической сфере, которое далеко не всегда совпадает с сущим и реальным. И в Индии, и Шри-Ланка не свободны от социальных противоречий, имеются неурегулированные конфликты с соседними государствами, межэтнические конфликты внутри стран, которые актуализируют сепаратистские настроения и движения. Внешние угрозы и внутренние беспорядки всегда служат признаком неуспешного правления, следовательно, становятся одной из причин делегитимации власти. Достаточно в качестве примеров упомянуть проблему Индийского штата Джамму и Кашмир, конфликт между сингальским этническим большинством и тамильским этническим меньшинством в Шри-Ланке. Все это не исключает, но, наоборот, делает еще более необходимым окуливание властью поля политических символов.

Политические символы государства и их многообразные емкие смыслы обращаются, во-первых, вовнутрь, к собственному народу,

который родился в известном пространстве, во-вторых, вовне, к мировому сообществу. Привлекательность политических ценностей и идеалов, облеченных в привлекательные символы, в виде соблазнов свободы, демократии, процветания могут относиться и к «своим», и к «чужим». Политические символы не давят. Они не отвращают и не принуждают, они привлекают и убеждают. Выработанные властью и признанные народом они сами становятся властью, мягкой властью символов.

Литература:

1. Атлас мира. Обзорно-географический информационный справочник. М.: Астрель: АСТ, 2011. 304 с.
2. Безруков М.П., Туровский А.Е. Гербы и флаги. Эмблемы суверенитета. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2009. 288 с.
3. Большая книга гимнов, флагов и гербов стран мира / Авт. – сост. Ю.А. Ивановский. М.: Эксмо, 2012. 528 с.
4. Географический справочник ЦРУ. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 704 с.
5. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: Международные отношения, 1989. 304 с.
6. Страны мира и континенты / авт. – сост. М.В. Адамчик. Минск: Харвест, 2007. 384 с.
7. Географический справочник о странах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ostranah.ru/> – (09.09.2012).
8. Embassy of India in Moscow [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.indianembassy.ru/> – (15.10.2012).
9. Embassy of Sri Lanka in Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.srilankaembassy.org/> – (22.10.2012).

Ковалева Д.М.

ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ SOFT POWER

Ковалева
Дарья Михайловна

студентка 2 курса
магистратуры
института социальных
и политических наук
Центра классического
образования УрФУ
им. Первого президента
России Б.Н. Ельцина

Исторический процесс развития и становления России сопровождался формированием на ее пространстве не только этнических, но и территориальных общностей. Такие общности выделялись своей индивидуальностью и имели определенную специфику, которую можно определить как территориальная идентичность. Под территорией мы понимаем пространство, на котором осуществляется интеграция деятельности социума и территориальная саморефлексия. Б.В. Грызлов полагает, что «из всех связей, которые соединяют

людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь... В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места» [Грызлов, 2007, с. 9].

Л. А. Фадеева, исследуя проблему идентичности в сравнительной политологии, справедливо отмечает, что «применительно к идентичности... используется изрядное количество метафор. Например, общеупотребительной стала метафора множественной идентичности как слоеного пирога, в котором каждый слой сам по себе, не смешиваясь с другим, но сосуществуя» [Фадеева, 2011, с. 137]. Действительно, упоминать пакет идентичностей (гражданскую, этническую, политическую и другие), присущих человеку, стало традицией. В территориальной идентичности также можно выделить свой «пакет», иерархию идентичностей от меньшего к большему: сублокальную, локальную, региональную, макрорегиональную, национальную и межнациональную (ощущения принадлежности к объединению государств, части света и т. п.). Остановимся подробнее на региональном уровне идентичности и рассмотрим ее через призму применения «soft power». Мы считаем, что региональная идентичность играет роль своеобразной «мягкой силы», воздействующей на членов общности без применения насилия.

В современных политологических исследованиях понятие «soft power» имеет достаточно много толкований, характеризуется многозначностью интерпретаций, однако, чаще всего при употреблении данного термина имеется в виду применение невоенных методов (гуманитарных, культурных, интеллектуальных). В качестве компонентов «мягкой силы» могут выступать позитивные и негативные стереотипы, бренд, имидж, репутация, идентичности и другие. Внесение в данный список идентичности обусловлено тем, что основы ее формирования являются одновременно инструментами воздействия мягкой силы (это мифы, символы, образы, нарративы, традиции, коллективная память). «Мягкая сила осуществляет свое воздействие на знаково-символическом и идейно-ценностном уровнях. Она активизирует

стереотипы общественного восприятия, приводя в действие архетипичные образы и коллективные представления» [Русакова, 2010, с. 174].

Мифы. По мнению А. А. Гончарика, мифы, рассматриваемые в одном ряду с такими феноменами, как традиции, символы, коллективная память, воспоминания, национальные чувства, ритуалы и церемонии, являются одним из тех феноменов, которые важны для легитимации региональной идентичности [Гончарик, 2010].

В вопросе исследования феномена современного мифа особое место принадлежит Р. Барту, который указал на социальную роль современной мифологии и поставил вопрос о ее связи с идеологией. Миф по Барту – не пережиток архаики, а большая часть современной культуры [Барт, 1996]. В исследованиях последних лет часто отождествляются понятия миф и имидж, миф и идеология. Расширение понятия миф выражается, с одной стороны, в отказе от ориентации на древние традиции и на использование с новыми целями привычных образов мифологии, а с другой – в приравнивании всякой традиции к мифологической. В них подчеркивается значимость современного мифа, потребность в нем власти и общества. В этом отношении можно определить миф как духовную реальность, которая с помощью духовных ритуалов обслуживает социальный порядок.

М. В. Капкан утверждает, что среди методов преодоления противоречий важное место занимает миф. «Можно сказать, что это самая распространенная форма гармонизации в культуре XX в., востребованность которой связана с увеличением объема информации, получаемой человеком. Репрезентация через миф оказывается наиболее эффективной, так как позволяет передавать сообщение в максимально емкой форме. Не менее значимой оказывается мифологизирующая стратегия построения идентичности» [Капкан, 2006].

Мифологизация места обитания – это одна из распространенных культурных практик. Человек стремится оправдать место своего проживания как нечто уникальное, особенное, избранное, порой даже вопреки тому, что место проживания самое обычное, ничем не отмеченное. В этом можно видеть отражение базовой потребности человека в осмыслении мира и своего места в нем [Абашеев, 2010].

М. В. Назукина дает определение региональному мифу. По ее мнению, это некое социально оформленное представление о регионе как уникальной территории, сознательно создаваемое или поддерживаемое региональной элитой [Назукина, 2010]. Уникальность в этом случае может проявляться через обращение к землякам – выходцам из региона, снискавшим славу и известность, апеллирование к историческому, экономическому, культурному, географическому и прочим статусам территории, претензии на повышение регионального статуса, создание региональных брендов. С течением времени мифология находит отражение в ритуалах и символизации жизни жителей региона. Формирование региональных мифологий может проходить двумя способами: спонтанно и целенаправленно. В первом случае субъектом мифотворчества выступает население региона в целом, отдельные социальные группы, индивидуальные носители регионального самосознания (представители интеллигенции). Второй способ (целенаправленное создание мифов) проявляется в формировании политической элитой региональной идеологии, которая имеет стратегический характер и направлена на усиление уровня развития региона. При формировании региональных мифов необходимо использовать мобилизацию исторических ресурсов. Это, в первую очередь, означает продвижение в сознании населения исторических штампов, направленных на облагораживание своего региона, внедрение в народное сознание схем, связанных с гордостью за регион, восстановление его прошлого, прежде всего как экономического и культурного центра.

Таким образом, региональная мифология является важным механизмом формирования региональной идентичности. В то же время мифология выступает в качестве инструмента «soft power»: в инструментальном смысле формирование региональной мифологии помогает властной элите решать собственные и региональные стратегические задачи, а в социальном – помогает упорядочить разрозненные факты местной истории, скрепить общими идеями и ценностями местное сообщество.

Коллективная память. Память – это основа существования единства регионального сообщества. М. Китинг отмечает, что встречаются поиски «подходящего прошлого», совокупности истори-

ческих референтов, которые могут вести региональное сообщество иным путем к модернизации, соединяющей прошлое – через настоящее – с будущим. Возрождение серьезной региональной истории и оспаривание господствующих национальных интерпретаций прошлого становится инструментом, направляющим региональное общество к его будущему [Keating, 1998]. А. А. Гончарик пишет, что на региональную идентичность влияет несколько уровней социальной памяти: конструируемая элитами (она значительно политизируется) и коммуникативная память. В основе последней лежат воспоминания поколений, которые репрезентируются через социальные практики. Мифы здесь становятся механизмом интерпретации памяти и ее искажения. Они одновременно служат и границей, и способом закрепления региональной идентичности [Гончарик, 2010]. Коллективную память можно определить как результат деятельности индивидов (или групп), объединенных вместе для того, чтобы разделить воспоминания конкретных событий прошлого времени.

Для региональной идентичности существование коллективной памяти действительно очень важно, ведь региональные группы обычно базируют сознание своего своеобразия и единства на событиях прошлого. Группа людей, имеющих общую идентичность, существует, оживляя свое прошлое. «Мягкая сила» регионального дискурса формирует и поддерживает способы означивания реальности при помощи прошлого опыта, вкладывая в него новые смыслы.

Система символов. Одним из механизмов интеграции сообщества выступает поле социальных символов. Наличие символики, которая предоставляет универсальные средства коммуникации, создает возможность образования общности. Символ – это своеобразная оболочка, в которую упаковывается «своя» информация. В таком виде она отлична от чужой и узнаваема. Таким образом, образование идентичности как психологического единства и ощущения личной сопричастности жителей региона возможно только в едином символическом пространстве социума [Михайлова, 2010]. Можно также добавить: осознание принадлежности к региону основано на участии в общем знании и общей памяти, которые сообщаются через использование общей системы символов. Все может стать таким символом: слова и тек-

сты, костюмы, региональная символика, целые ландшафты и даже дорожные указатели. Важна не материальная оболочка, а функция символа, его послыл.

Создание и управление символами успешно используется при утверждении определенных способов интерпретации мира. Не только федеральные власти, но и региональные имеют возможность навязывать способы толкования социальной реальности с помощью утверждения символики, наград, государственных праздников, установления памятников, связанных с историей региона, обращения с патриотическими речами и так далее. В результате формируется особый региональный дискурс, а также чувство принадлежности к региону, которое сглаживает социальные и этнические противоречия.

Традиции. Традиция понимается как то, что передается неизменным из прошлого. Традиции не остаются неизменными, застывшими в ходе истории, каждое новое поколение принимает часть традиций из прошлого и отвергает другие. Одинаково неразумно как абсолютно пренебрегать ценностями предыдущих эпох, так и слепо и доктринированно им следовать. Создание новых традиций – это действенный инструмент «мягкой силы», однако, к данному процессу надо подходить очень осторожно и осмотрительно, с пониманием того, что традиции – это духовная основа общества, без которой не может существовать ни регион, ни государство, ни в целом человечество. Как метко заметил А.В. Рубцов, «уважение к своему прошлому состоит не в том, чтобы выкапывать и заново раскрашивать покойников» [Рубцов, 2009, с. 184].

Явление «изобретения традиции» часто мотивировано современными интересами. Изобретение традиции – это «набор практик ритуальной или символической природы, которые ставят своей целью внедрение определенных ценностей и норм поведения посредством повторения, что естественно предполагает связь с прошлым. Изобретение традиции – это процесс формализации и ритуализации, характеризующийся апелляциями к прошлому; «традиции», которые презентуются как древние, часто оказываются изобретенными в недавнем прошлом [Давыдов 2006: 103]. При изобретении традиции могут использоваться выборочные элементы, т.е. то, что

может ассоциироваться с «натуральным», «доиндустриальным». Эти элементы репрезентируют традиционную национальную культуру. В то же время многие другие «неподходящие» элементы игнорируются и забываются. Однако, даже если традиции «изобретаются», их элементы все равно содержат культурную аутентичность. Для того чтобы традиция получила распространение в обществе, политические лидеры должны выбирать символы, которые имеют культурный резонанс. Некоторые исследователи считают, что традиции создаются из концептуальных нужд настоящего. Их нельзя разделить на истинные и поддельные: можно сказать, что все традиции истинные, если они конструируются в настоящем.

Социальные практики, реконструированные и реинтерпретированные как «традиция», используются для конструирования идентичности. Производство идентичности – довольно сложный процесс, он не может быть сведен к понятию сохранения «традиционного» в настоящем. Он включает артикуляцию коллективно воссозданных исторических форм, сохранившиеся с далекого прошлого элементы, но значительно отличающиеся от их традиционной формы, а также современные элементы, которые широко циркулируют в публичной сфере.

Можно подытожить, что мифы, символы, образы, традиции являются как основами формирования идентичности, так и «мягкой силой», которая помогает целенаправленно конструировать дискурс региона, добиваться решения стоящих перед территорией задач.

С нашей точки зрения, существует две позиции, исходя из которых, можно исследовать действие «мягкой силы» идентичности: это стратегическое использование ресурса идентичности политиками в личных или общественных целях и социально-культурное направление, когда мы можем говорить о позитивных эффектах от укрепления региональной идентичности для местного сообщества.

Рассмотрим подробнее влияние «мягкой силы» дискурса идентичности на региональное сообщество. Прежде всего, идентичность, осуществляя нормативное воздействие, задает норму антропологического воображения, то есть те образы человека и человечности, которые считаются приемлемыми и желательными в рамках данного

сообщества и с которыми человек сверяет всю свою деятельность и досуги. Региональная идентичность задает поведенческие рамки, обозначает качества, которые присущи местному сообществу. Исходя из этого, осознание того, что общности присущи согласие, толерантность, миролюбие, справедливость и законность, позитивно сказывается и на самих жителях, и на положительном имидже региона. В. Путин в статье, посвященной национальному вопросу в России, ясно дал понять, что сепаратистские идеи, идущие от глав регионов либо от региональных сообществ, будут пресекаться. По поводу выборов глав регионов он отметил: «Тот, кто попытается опираться на националистические, сепаратистские и тому подобные силы и круги, должен быть незамедлительно, в рамках демократических и судебных процедур, исключен из выборного процесса» [Путин, 2012]. Таким образом, особенно в национальных республиках возрастает важность культивирования региональных ценностей, имеющих гражданское значение, вписывающихся в общероссийский контекст.

«Мягкая сила» регионального дискурса способна сплачивать людей, способствовать стабилизации социальных отношений, сокращать социальную дистанцию, ослаблять недоверие в современной ситуации напряженности между различными социальными слоями, возрастными и конфессиональными группами.

Осознание, переживание и признание национальной, культурной, конфессиональной, политической, гражданской и иной идентичности сопровождается добровольным включением граждан в коммуникативное пространство определенной общности, приводит к формированию внутри сообщества отношений солидарности, общих поведенческих и ролевых моделей, а также стратегий притязаний на достойное место в социуме. Сплачивая людей в одно солидаризированное социальное целое, идентичность как разновидность «мягкой силы» помогает объединению человеческих усилий по решению общественно значимых задач, что, в свою очередь, является основой для стабилизации политических и общественных институтов [Русакова, 2010, с. 188].

Ю. А. Дроздова полагает, что региональная идентичность является стратегическим гуманистическим направлением в развитии современного

общества. Она указывает на важность солидарных отношений, которые содействуют взаимному признанию социального разнообразия взаимодействующих субъектов, позволяют разработать рамки общих ценностей, нормы и модели поведения, что предполагает урегулирование социальных конфликтов, связанных с миграционными процессами в современной России, расслоением общества, последствиями экономического кризиса. Дроздова считает, что поведенческий компонент, затрудняющий формирование солидарных отношений и региональной идентичности, выражается в апатичной позиции населения регионов. Она приводит данные опроса, проведенного в 24 субъектах России: 63,9% населения не хотят участвовать в управлении общественными делами в своем селе, поселке или районе своего города. Желание участвовать в общественной жизни села, города выразили только 31,2% респондентов [Дроздова, 2011, с. 338]. Из исследования Дроздовой следует, что если в дискурсе региональной идентичности преобладают утверждения: «Мы – серая провинция, неудачники» и тому подобные, то уменьшается желание участвовать в социальной жизни общества, создавать структуры гражданского общества. На такой противоречивой основе формирование солидарных отношений возможно, только используя противопоставление «чужим», что не обеспечивает стабильности и экономического роста региона. В этих условиях региональная идентификация нуждается в новых стратегиях и подходах со стороны власти.

Дискурс региональной идентичности, насыщенный позитивными характеристиками региона, а также положительно описывающий жителей данного региона, влияет на стабильность и уверенное развитие территории. Выделим крайние проявления идентификации: с одной стороны, – это население, нацеленное на развитие территории, имеющее выраженное желание изменить в лучшую сторону свое положение; с другой, – жители, испытывающие безразличие к судьбе территории, не желающие прилагать никаких усилий для собственного развития и развития региона, имеющие стремление уехать из региона, вывести ресурсы. Таким образом, дискурс региональной идентичности играет роль «мягкой силы», которая определяет поведение населения и воздействует на развитие региона.

Теперь обратимся к другой позиции, когда региональную идентичность оценивают с точки зрения использования ее политическими деятелями. В данном случае можно говорить о властвовании при помощи дискурса региональной идентичности.

В.Я. Гельман определяет политику региональной идентичности как деятельность региональных элит по управлению информационной средой в целях создания у потребителей информационных потоков внутри и вовне региона желаемого представления о самом регионе, о самих себе в регионе и о месте региональных элит в прошлом, настоящем и будущем региона. Такая деятельность носит стратегический характер и может быть обозначена как «искусство политической манипуляции» или как «символический менеджмент» [Гельман, 2002]. Лозицкая Ю.Л. полагает, что политика региональной идентичности предстает как деятельность региональных элит по управлению информационной средой для создания желаемого представления о регионе и самих себе в нем [Лозицкая, 2005].

Паин Э.А. выделяет три основные модели в конструировании идентичности: 1) спонтанная, фрагментарная модель, характеризующаяся отсутствием выстроенной стратегии, состоящая из одной или нескольких инициатив, разовых акций; 2) проектная, элитарная модель, в которой за основу берутся исключительно властные интересы, а местная история, культура, существующие идентификации населения используются конъюнктурно или вовсе игнорируются; 3) органическая модель, отличающаяся запланированной ориентацией на консолидацию сообщества. Ее характеризует широкий охват сфер, последовательность, длительность и высокий энтузиазм внедрения. Паин подчеркивает, что внедрение крупных символических проектов должно подкрепляться модернизацией соответствующих сфер жизни территории. Имитация стратегии приводит к разочарованности жителей региона [Паин, 2012]. На этом мы бы хотели особо заострить внимание: никакие привлекательные символы, идеи, соблазны, оболстительные образы, получившие отображение в дискурсе идентичности, не будут серьезно восприняты и закреплены, если они диссонируют с реальностью, не находят в ней подтверждения.

Контроль «мягкой силы» региональной идентичности вызывает оболщение жителей региона не только привлекательным образом территории, но и губернатора, убеждает в необходимости его присутствия во главе региона, в том, что именно такой тип политика соответствует особому региональному характеру населения.

До 2004 г. региональные элиты активно прибегали к политике региональной идентичности, однако, недавние тенденции не способствовали ее использованию (это запрет на создание региональных политических партий, совмещение по времени федеральных и региональных выборов, отмена выборов губернаторов).

С нашей точки зрения, перегибы в обе стороны при использовании идентичности опасны: в одном случае они ведут к торгу региональных властей с центром (лояльность в обмен на ресурсы), а в другом сильные федералистские тенденции, построение вертикали власти приводят к уменьшению стимулов для использования политики идентичности для повышения солидарности, гражданской активности, местного патриотизма и других описанных выше положительных последствий. По нашему мнению, практика назначения губернаторов в совокупности с отказом от политики идентичности, ведет к тому, что губернаторы не получают реальную легитимность, часто воспринимаются населением как «варяги», посланные Москвой и отражающие ее интересы, даже в том случае, если являются коренными жителями региона. Возможно, законопроект о выборах губернаторов, одобренный Советом Федерации 27 апреля 2012 г., изменит ситуацию, но и в нынешней обстановке нельзя забывать о мягкой силе дискурса идентичности, которая способна повысить энтузиазм населения, вызвать желание активнее работать на благо региона, повысить консолидированность сообщества, решить региональные проблемы.

Литература:

1. Абашев В.В. Из очерков по локальной мифологии. 2010. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/bashev.html>.
2. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
3. Гельман В.Я., Попова Е.В. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России. 2002. URL: http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/centering_group_papers/

- Gel'manPopova.pdf.
4. Гончарик А.А. Роль политических элит в формировании региональной идентичности: интерпретация коллективной памяти и мифов. 2010. URL: http://identity.ucoz.ru/load/tezisy/goncharik_a_a_rol_politicheskikh_ehlit_v_formirovanii_regionalnoj_identichnosti_interpretacija_kollektivnoj_pamjati_i_mifov/4-1-0-30.
5. Грызлов Б.В. Национальное единство как условие успешного перехода к демократии (Политика и действительность) // Философские науки. 2007. № 1.
6. Давыдов В.Н. 2006. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности // Журнал социологии и антропологии. 2006. Том IX. № 3 (36). С. 103.
7. Дроздова Ю.А. Солидарные отношения как основание формирования региональной идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 1.
8. Капкан М.В. Уральские города-заводы: мифологические конструкты. 2006. URL: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0047_01_12-2006_&xsl=showArticle.xslt&id=a04&doc=../content.jsp.
9. Лозицкая Ю.Л. Политическая идентичность региональной элиты как фактор политической институализации. URL: <http://www.espi.ru/Content/Conferences/Papers2005/razd1/Lozitskaya.pdf>.
10. Михайлова О.А. http://mion-journal.tomsk.ru/?attachment_id=416; http://mion-journal.tomsk.ru/?attachment_id=417;
- http://mion-journal.tomsk.ru/?attachment_id=425;
- http://mion-journal.tomsk.ru/?attachment_id=426.
11. Сигналы региональной идентичности в языке города постсоветского периода. 2010. URL: <http://mion-journal.tomsk.ru/?cat=37>.
12. Назукина М.В. Конструирование политических мифов как способ формирования позитивной известности регионов России. 2010. URL: http://www.fondedin.ru/dok/04_Nazukina_v.pdf.
13. Паин Э.А., Алалмасова Н.Е. Модели конструирования территориальной идентичности. 2012. URL: <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCMQFjAA&url=http%3A%2F%2Fregconf.hse.ru%2Fuploads%2F38803e33bd64e2a7161947558...>
14. Путин. Россия: Национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.
15. Рубцов А.В. 2009 Российская идентичность и вызов модернизации // Экон-Информ. С. 184.
16. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10.
17. Фадеева Л.А. Проблема идентичности в сравнительной политологии // Полис. 2011. № 1.
18. Keating The new regionalism in Western Europe. Territorial restructuring and political change. 1998. Edward Elgar Publishing.

Русакова О.Ф.

МЯГКАЯ СИЛА СТРАН АЗИИ

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор, заведующая
отделом философии Института философии и права
УрО РАН, президент МАДИ

В эпоху глобализации и усиления геополитической конкуренции инструментов «мягкой» силы стал рассматриваться политиками и теоретиками в качестве важного ресурса внешнеполитической мощи стран, претендующих на статус мирового центра или полюса власти.

Впервые в качестве категории, обозначающей особого рода внешнеполитический властный ресурс, понятие «soft power» стало применяться в работах Джозефа Ная – американского специалиста в области международных отношений, бывшего заместителя министра обороны США в администрации Б. Клинтона, а ныне – декана

Школы управления имени Кеннеди в Гарвардском университете¹.

Суть «мягкой» силы Джозеф Най разъясняет путем сравнения ее с традиционными «жесткими» или «твердыми» способами внешнеполитического воздействия. Под «жесткой» силой исследователь подразумевает использование во внешней политике таких властных средств как вооруженное насилие, военное вмешательство, экономическое давление, подкуп. «Жесткая» сила, или «жесткое» могущество – это способность к принуждению, обусловленная материальной мощью страны. Главными методами данного вида воздействия являются методы «кнута и пряника».

Конкретно говоря, «твердой силой» является видимая государственная мощь, состоящая главным образом из природных ресурсов, экономики, науки, техники и военной силы, которые составляют материальную базу совокупной государственной мощи. Инструментами «жесткой силы» выступают также методы идеологического